

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Эвристический потенциал понятия социальной бифуркации

Abstract

The paper is intended to demonstrate the heuristic potential of the social bifurcation notion as an extending concept in relation to “social revolution” and being free of its axiological content. There is also discussed the genesis of the notion in the context of self-organization model construction in application to social change. Heuristic possibilities of the proposed approach are demonstrated regarding the problem of “revolutions riddles”, considered by P.Sztompka as one of actual sociological items.

Первоначальный замысел этой статьи был отличным от того, что обозначен в ее заглавии. Статью предполагалось назвать “Проблема революции с точки зрения социосамоорганизационного подхода”. Желание писать на тему революции, активизированное событиями, происходившими в стране в конце 2004 — в начале 2005 года, было определяющим в формировании того замысла. Я намеревалась предложить собственную интерпретацию этих революционных событий, наложив на их рассмотрение рамки социосамоорганизационного подхода. Первое препятствие возникло в момент, когда потребовалось прежде всего для себя обоснованно найти ответ на вопрос, была ли “Оранжевая революция” действительно событием, которое может отвечать принятым в социологической науке дефинициям социальной революции. Кавычки, поставленные выше, — результат возникновения этой проблемы. Сохраним их до прояснения вопроса.

Петр Штомпка, к работам которого я буду апеллировать не единожды, писал: “Теория революции... с некоторой неизбежной временной задержкой систематизирует то, что обычные люди думают о революции. Но она также обретает известную автономию, поскольку теория, вдохновленная здравым

смыслом, может начать жить своей собственной жизнью и следовать собственной логике” [1, с. 368]. Не могу не согласиться с этим, полагая, что между повседневным и научным знанием нет жесткого разделения, скорее существует циркуляция смыслов. Поэтому тот факт, что те события были “в миру” обозначены как революция, не следует сбрасывать со счетов при более строгом подходе к поиску ответа на вопрос: “Так что же это все-таки было?” Что касается более строгого подхода, то и здесь все выглядит далеко не просто.

Удивительная область социологии — социология революций. Такое впечатление, что, будучи достаточно притягательной в плане расширения знания в этом направлении, эта область почему-то вызывает опасение у исследователей. Работ здесь не так много, как могло бы быть, интенсивность поиска не высока, хотя прошлый — XX — век многие называют веком революций. Имена, которые упоминаются в первую очередь в связи с социологией революции, — К.Маркс, П.Сорокин, П.Штомпка, Ш.Эйзенштадт. С анализа их точек зрения я и начала свои поиски.

Сорокин, пытаясь понять закономерности возникновения таких переломных событий, как социальные революции, опираясь на свой опыт “включенного наблюдения”, полученный во времена Октябрьской революции 1917 года, приходит к выводу, что в основе всего — *неудовлетворенные инстинкты*. Подробно анализируя иерархию основанных на инстинктах потребностей, ученый выходит на мысль о группах, объединенных на этом основании. Они, по его мнению, и становятся движущими силами революционных событий [2]. Удовлетворение инстинктов отдельных групп приводит к их выходу из состояния революционной активности. Для Маркса, чья точка зрения является для нас наиболее привычной, центральным моментом являются не инстинкты, а *отношение к собственности*, выводящее на классовые противостояния. Иными словами — акцент переносится на социальную составляющую человеческой жизни. Довольно любопытной и в определенной мере дополнительной по отношению к двум названным позициям представляется позиция современного израильского социолога Эйзенштадта. Согласно его точке зрения, в основе революционных событий лежит выяснение отношений между группами, по-разному видящими воплощение в земном социальном порядке — Граде Земном — тех идеалов, которые присутствуют в культурно заданных представлениях о высшем порядке — Граде Небесном [3]. Очевидный акцент, сделанный в этих теориях на биологической, социальной и духовной стороне жизни человека, логично приводит к мысли, что все они по-своему правы. Но реальные события не описываются с достаточной адекватностью ни в одном из этих подходов. В разных революциях центр тяжести может локализоваться в каждом из этих измерений нашего существования, но, скорее всего, в определенной мере присутствуют все упомянутые составляющие — уже хотя бы потому, что человек целостен и акцентируется революционными событиями лишь до определенных пределов.

Штомпка в своей “Социологии социальных изменений” теме социологии революций отводит целую главу. Здесь, как это и характерно для аналитических работ Штомпки, представлена четкая и многовекторная классификация существующих подходов и теорий. Первое разделение — на *историософскую и социологическую традиции* рассмотрения революций. В первом случае акцент делается на модели исторического процесса, где револю-

ции возникают как скачки в ходе истории. Яркий пример — теория общественно-экономических формаций Маркса. Социологическая традиция акцент переносит на движущие силы. Эти теории выстраиваются в логике тех подходов к социальным изменениям, где человек рассматривается как главный творец и субъект истории и объективность в исторических процессах отрицается. Первые теории настаивают на прорыве снизу, тогда как во втором разряде следует отнестись теории, апеллирующие к жесткой технологичности социальных изменений, наличию разного рода “заговоров” [4, с. 370]. Очевидная *системная либо деятельностьная односторонность* этих подходов тоже не позволяет принять какой-то из них за единственно верный, на основании которого можно было бы выносить вердикт по поводу отнесения конкретного исторического события к разряду революционных или не революционных.

А если не революционных, то каких? Рассмотрение понятий, используемых для обозначения исторических событий, близких к революционным, но все же таковыми не являющихся, представляется важным моментом контекста наших рассуждений. То есть можно пойти от противного, и если удастся диагностировать нашу “Оранжевую революцию” как переворот, реформу или что-то еще, то тогда можно снять претензии на право называться гордым именем “революция”.

Штомпка упоминает следующие коллективные действия, отличные от революций. *Государственный переворот* — внезапная и незаконная смена власти без изменения политического режима, экономической организации или культурной системы. *Бунт, восстание* — массовые насильственные действия, направленные против собственных узурпаторов или иноземных завоевателей. *Путч* — насильственное свержение власти правительственной армией или ее частью. *Волнения, беспорядки, социальная напряженность* — стихийные выражения недовольства, тревоги, не направленные против кого-то конкретно [1, с. 372–373]. При этом он считает, что “если преобразования идут “сверху” (например реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции и Нассера в Египте, перестройка Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями” [1, с. 372]. Мне эти определения ясности не добавили. При желании признаки каждого из них, за исключением, разве что, путча, можно было найти в рассматриваемых событиях “Оранжевой революции”. Но можно и не найти. Последнее мне кажется важным и выводит на следующий шаг в рассуждениях.

Почему, несмотря на такое множество подходов к проблеме революций, отсутствие однозначности в дефинициях, на уровне формирования индивидуальных позиций по поставленному вопросу в нашем конкретном случае разночтения были не такими уж явными? Социологи, политологи активно спорили на тему, была ли это революция, но сомневавшихся в правильности собственной точки зрения было не так много, — независимо от того, какая позиция отстаивалась — “за” или “против”. Почему это происходило в среде профессионалов? Дело здесь, как мне кажется, в той ценностной нагруженности самого понятия “революция”, которая существовала всегда с момента его появления в социологическом и политологическом обиходе. Иными словами, критериям чистой научности оно не удовлетворяло никогда.

П.Сорокин был ярким противником событий 1917 года, в результате которых был вынужден покинуть Россию. Но он категорически настаивал на

необходимости отказаться от, как он говорит, “слащавых” или “горьких” определений революции, понимая под ними те, где присутствует оценочный компонент. Уделив несколько абзацев демонстрации своего эмоционального отношения к тем жертвам и бедам, которые сопровождали революционные события 1917 года, он далее переходит к, по возможности, безоценочному поиску концептуальных позиций, в рамках которых эти события выглядели бы как закономерные, детерминированные предшествующим ходом истории. Кратко эту позицию я представила выше.

Но слово или термин в языке живут своей жизнью. Даже став научным понятием, они не освобождаются от тех смысловых нагрузок, которые в них присутствуют в силу истории их появления.

Штомпка отмечает, что XIX век, отличавшийся небывалым динамизмом, верой в прогрессивность истории, был золотым веком для идеи революции. Она присутствовала как в научных теориях, так и в повседневном сознании. “Считалось, что общество претерпевает необходимые прогрессивные изменения, что разум и история ведут его к лучшему, идеальному будущему порядку. Революции рассматривались как неизбежные решающие процессы на этом пути, ускоряющие рациональные процессы”. Все меняется с приходом века XX, продемонстрировавшего упадок эпохи модерна. Акцент сместился с прогресса на перманентный кризис. “Два вопроса не могут не возникнуть в общественном сознании. Во-первых, почему революции никогда не заканчиваются тем, о чем мечтали революционеры? Во-вторых, почему разум так часто заменяется силой, давлением, бессмысленным уничтожением. Революции не воспринимаются больше как воплощение логики истории, их не считают более прогрессивными” [1, с. 369].

Какой модус восприятия присутствовал в тех оценках, которые давались событиям “Оранжевой революции” у нас? Мне кажется, все же больше первый. Не случайно я выше упомянула “гордое имя революции”. Я не думаю, что мы можем быть полностью безоценочными в отношении событий, которые проходят через нашу биографию. Все, что здесь можно сделать, — попробовать рефлексировать по поводу присутствия этой оценочности, ее истоков. И, если это возможно, использовать понятия, не влекущие за собой шлейф оценочных нагрузок. Именно это и стало для меня отправным пунктом в формировании задачи данной статьи.

Итак, проблема, которая мне видится в результате сказанного выше: размытость в пространстве существующих дефиниций революции; размытость критериев, по которым можно отличить революции от сходных социальных явлений — путчей, переворотов, протестов, реформ и т.п.; высокая оценочность, содержащаяся в понятии революция, трансформирующая критерии диагностики реальных событий.

Свою задачу, которую в данной статье я смогу реализовать только частично, я вижу в следующем. Указать понятие, в которое бы вписывались сложившиеся представления о революционных изменениях в обществе, но которое при этом обладало бы ценностной нейтральностью. Это понятие должно быть достаточно общим, позволяющим интегрировать представления о революциях, акцентирующие внимание на отдельных детерминирующих факторах (биологическом, социальном, духовном, психологическом, экономическом, политическом и др.). Оно не должно уводить в сторону исключительно системного либо деятельностного детерминизма. Это поня-

тие должно помочь уйти от ценностной нагруженности всех сопутствующих и дифференцирующих понятий — реформы, путч, переворот, протесты и т.д. Полагаю, что многие “заторы” в разработке социологии революций связаны с высоким уровнем конфликта между ценностным и научным, в который попадает исследователь этих процессов.

Где я надеюсь отыскать такое понятие? В тех социотеретических предложениях, которые связаны с моделированием социальных процессов на основании нелинейных подходов к социальной динамике. В рамках таких подходов моменты скачкообразного изменения социального порядка имеют название *точек социальной бифуркации*. Именно это свойство революций — приводить к резкому изменению социального порядка — я полагаю тем инвариантом, который присутствует во всех определениях и который является главным содержанием социальных событий, подпадающих под определение социальной бифуркации.

Почему в заглавии работы я указала на намерение говорить об эвристике этого понятия? Здесь я снова обращаюсь к идеям Штомпки, но уже касающимся его классификации социологических теорий и его представлений об их взаимосвязи, а также к оценке значимости их для практического использования социологического знания. Из четырех типов теорий, выделяемых Штомпкой (объяснительных, эвристических, аналитических, экзегетических), наиболее важными он считает два первых. “Объяснительная теория по Мертону, Бурдьё и Тернеру... вырастает из исследований и должна быть направлена на исследования”. Эвристическая теория — это та, которая тесной привязанностью к эмпирике не отличается, которую “нельзя проверить непосредственно, но которая плодотворна, поскольку создает понятия, образы, модели. Она... пытается ответить на три вечных онтологических вопроса о строении социальной действительности: (а) что является основой социального порядка? (б) что составляет природу человеческой деятельности? (в) каковы механизм и направление социальных изменений?” [4]. Штомпка указывает на эвристические возможности таких теорий прежде всего по отношению к теориям объяснительного типа, поскольку они позволяют формулировать гипотезы, ставить задачи для эмпирического поиска. С моей точки зрения, концепции, возникающие на основе идей социальной нелинейности, социальной самоорганизации, относятся к теориям именно этого типа.

Как и большинство теорий эвристического типа, теория социальной самоорганизации, в рамках которой и работает понятие социальной бифуркации, в качестве своего исходного методологического основания берет идеи из пространства общенаучных теоретических подходов. Поэтому логичной представляется следующая схема реализации поставленной цели:

1. Рассмотреть тот общенаучный конструкт, который послужил для меня методологическим основанием, смысловым каркасом, на который наращивались социальные смыслы, что позволяло выстроить искомую модель социальной самоорганизации.
2. Предложить логичную для меня реконструкцию самоорганизационных процессов в социальной среде, которую я называю самоорганизационной моделью социальных изменений. Связать в ее контуре понятие социальной бифуркации с другими сопутствующими понятиями, раскрыв с их помощью механизм смены социального порядка в точках высокой социальной неопределенности.

3. Продемонстрировать эвристический потенциал понятия социальной бифуркации применительно к проблеме “загадок революции”, которую поставил Штомпка.

Еще раз подчеркну, что понятие социальной бифуркации в тексте присутствует в окружении иных сопутствующих понятий (социальная энтропия, социальная аттрактивность). По большому счету, речь нужно вести именно о связке понятий, позволяющих раскрывать сущность тех моментов в социальной истории, которые претендуют на рассмотрение в качестве революционных (или близких к ним) и которые я предлагаю определить как бифуркационные.

Синергетические основания самоорганизационных социальных концептуализаций

В качестве *общенаучного методологического основания* для построения искомой модели в данном случае будет взят тот общий, неотягощенный конкретными дисциплинарными подробностями теоретический конструкт, который предлагается в рамках *синергетического междисциплинарного подхода*. Это то конструктивное ядро, которое может работать в различных специальных областях знания, открывая возможность выявления там феноменов, событий, процессов, раньше остававшихся вне поля рассмотрения в силу неоснащенности нашего мышления структурами видения *нелинейных миров*. Это теоретическое и модельное обеспечение появилось с приходом в науку синергетики.

Синергетика — это имя, которое утвердилось за нелинейным направлением в российской и украинской науке. Почему именно оно — по мнению многих очень неудачное — проблема скорее социокультурного характера. Как синонимы часто используют такие названия, как теория нелинейных динамических систем, теория катастроф, самоорганизационный подход, теория диссипативных структур и др. Их синонимичность относительна, но в рамках данной работы это не имеет существенного значения.

Прежде чем начать рассуждать о закономерностях, характеризующих трансформации в нелинейных системах, следует дать ответ на вопрос, *что радикально различает линейные и нелинейные миры*. Одно из самых ярких различий — *неаддитивность результирующей нескольких воздействий*. В линейном мире сумма причин приводит к сумме следствий. В нелинейном же причинность — вообще большая проблема. Последствия от наложения нескольких воздействий могут оказаться не только не суммарными, но и прямо противоположными ожидаемым (при применении к этим объектам линейных мыслительных схем), к тому же непредсказуемыми в этой своей противоположности. Пример — линейность любого механизма, например автомобиля (поворот руля и нажатие педали акселератора дают поворот на увеличенной скорости), и нелинейность организма (таблетки, назначаемые для лечения двух разных больных, в результате дают непредсказуемый эффект). Впрочем, нелинейность не сводится к организмичности.

Сразу несколько слов о том общенаучном конструкте, который берется за основу при построении искомой модели социальных изменений. Перефразируя Толстого, можно сказать, что все линейные миры линейны одинаково, а все нелинейные нелинейны по-своему. И то множество социосинергетичес-

ких моделей, которые сейчас выбрасываются на рынок научных идей, порождено множеством нелинейностей, которые могут присутствовать в мире социальном. И каждый из авторов таких моделей, выбрав наиболее близкую себе, может представить свою модель социальной самоорганизации. Более того — даже один и тот же общенаучный конструкт может порождать разные модели, поскольку наполнение его социальными смыслами снова так зависит от авторского видения. Наличие или отсутствие достоверности, на мой взгляд, проверяется через интерпретативные и прогностические возможности такой модели. Чем более она способна дать ключ к пониманию, осмыслению или объяснению реальных социальных феноменов и процессов, тем более адекватной ее можно считать. Сразу скажу, что предлагаемая модель основана не на определенных математических формализмах, а скорее на синергетической метафоре, что имеет целью не столько объяснение, сколько понимание, осмысление происходящих в социальных средах событий.

Обратимся к той синергетической модели нелинейной динамики, от которой я отталкивалась в построении ее социального аналога. Это самая простая конструкция, упоминаемая почти всеми теоретиками, работающими в пространстве, заданном синергетическими методологическими основаниями. Она восходит к уже ставшим классическими работам И. Пригожина [5], чьими усилиями в значительной степени отмечен выход синергетики в междисциплинарную методологическую область.

Корпус понятий, которыми оперирует синергетика для постижения системных эффектов, порожденных нелинейностью, достаточно велик. Перечислим основные из них. *Характеристики среды*: нелинейность, открытость, сложность. *Характеристики состояния всей среды или ее части*: энтропия, бифуркация, неравновесность, диссипативность, аттрактивность, фрактальность, процессуальность, режим с обострением. Параметры порядка, управляющие параметры, флуктуация, кооперативность, спонтанная когерентность — понятия, используемые при описании *изменений, происходящих в нелинейных средах*. В данном случае я буду использовать только три основных и два-три вспомогательных. Это понятия *энтропии, бифуркации, аттрактора* (которые в социальном приложении превратятся в понятия социальной энтропии, социальной бифуркации и социального аттрактора), а также сопутствующие понятия *управляющего параметра, параметра порядка и флуктуации*.

Та *общая схема системных изменений*, которая описывается этими концептами, выглядит следующим образом. В жизни системы выделяются *три качественно разных состояния*: *добифуркационное, бифуркационное и послебифуркационное*. Ключевым для нас будет бифуркационное — точка бифуркации, то есть кризисное состояние системы. Состояние, предшествующее этому, добифуркационное, относительно устойчивое, упорядоченное. Значимой для нас характеристикой состояния системы, с точки зрения меры ее неупорядоченности, является ее *энтропия*. Нарастание последней до граничных значений выводит систему в *точку бифуркации*, в состояние слома старого порядка. Необратимого слома. Это пограничная черта, после перехода через которую систему нельзя вернуть к прежнему порядку. А каким будет новый?

Здесь ответ выглядит как множественный, вариативный прогноз. *Ключевое слово* — *аттрактор*. Самоорганизационный порядок появится как ре-

зультат спонтанного выпадения системы на аттрактор — притягивающее состояние. Вариативность появляется из-за того, что у системы есть несколько внутренне присущих ей аттракторов, которые с равной вероятностью могут стать ее дальнейшей судьбой. Выбор в пользу одного из них решит *случайная флуктуация*, возникающая во внешней среде или внутри системы. В последнем случае это может быть связано с каким-то ее элементом. Малый толчок, который в устойчивом состоянии гасится и не замечается системой, в точке неустойчивости, предельной хаотизированности, оказывается судьбоносным. Положительная обратная связь приводит к новому порядку. Последний образуется за счет того, что элементы спонтанно кооперируются, упорядочиваются, притягиваясь к этому аттрактору. Появляются структуры, которые можно назвать аттрактивными.

Остановимся более подробно на тех смысловых содержаниях, которые заключены в предложенных основных понятиях. Пока в их чистом, концентрированно смысловом виде. Именно в таком виде они демонстрируют свой методологический потенциал и эвристичность.

Энтропия — мера неструктурированности, неупорядоченности, непредсказуемости, неустойчивости системы. Низкая энтропия говорит о наличии согласованности, координированности между элементами системы, высокой связанности. Высокая — о дезорганизованности системы.

С понятием энтропии связано одно очень плодотворное в плане возможных дальнейших выводов и концептуализаций представление об *энтропийном коридоре*. Согласно результатам, приводимым Е.Седовым, можно утверждать, что существует определенный *энтропийный коридор*, в котором система может существовать, не выходя на точку бифуркации и не подвергая себя угрозе непредсказуемого разрушения [6]. Этот коридор можно количественно (конечно, условно) обозначить следующим образом. Если полную неупорядоченность принять за 100%, то нормальное русло лежит между 18–20% и 33–38% [подр. см.: 9]. Левая сторона коридора — это тот уровень неопределенности, который обеспечивает адаптируемость системы. Отсюда появляются маргиналии, неструктурированные элементы, которые в критических случаях могут стать источником инновации. Если этого хаоса в системе меньше, она становится мало приспособляемой к изменениям внешней среды. С другой стороны коридора — угроза, идущая от излишней хаотизированности. Здесь уже без каких-либо изменений внешних условий и вызовов, требующих инновационных вливаний, система разрушается за счет ослабления ткани внутренних связей, ослабления своей целостности и попадает в точку бифуркации. Наступает такое состояние в результате выхода системы *на предельные значения управляющего параметра*.

Управляющий параметр означает предельное напряжение, которое могут выдержать элементы системы и связи между ними без потери макрокачества системы. Простой пример самоорганизации, который при этом очень нагляден. Зрительный зал. Овации, выражающие восторг зрителей. Зрители аплодируют все интенсивнее, напряженность каждого возрастает. В какой-то момент наступает его предельное значение, и спонтанно зал начинает аплодировать в унисон. Происходит самоорганизация. Нет того, кто ее направляет, но порядок — отношение зрителей между собой — уже другой. Они действуют согласованно.

Точка бифуркации — точка (момент времени и состояние системы) выхода за пределы энтропийного коридора и при этом радикального изменения качества системы в смысле порядка взаимной связанности элементов. Необратимого изменения. Это момент, когда открываются новые возможности, но и момент неопределенности в реализации варианта этих возможностей. Точка, открывающая вариативность, ветвление траектории движения системы.

Вариативность реализуется через множество возможных аттрактивных состояний, новых целостностей, новых согласованностей. Эти целостности характеризуются *параметрами порядка*. В случае аплодисментов это период, интервал между хлопками. Различные интервалы и дают возможные варианты аттрактивностей. Часто от одной амплитуды зал переходит к другой, проходя через следующую бифуркацию. В случае аплодисментов это не выглядит судьбоносным. В других случаях возможные варианты развития событий могут оказаться противоположными по своему содержанию и направленности.

Аттрактивные структуры — спонтанно возникающие упорядоченности, внутренне присущие самой среде появления, как бы имплицитно в ней содержащиеся. Это структуры потенциального локального понижения энтропии, новой локальной упорядоченности. Для элементов системы это состояние уменьшения степеней свободы. Хаос, точка бифуркации — момент увеличения степени свободы каждого элемента, а вместе с тем — хаотизированности системы. Аттрактивная структура — новая целостность, в которую объединяются элементы системы.

Самоорганизация в процессах социального изменения

Наполнение этой абстрактной схемы *социальным смыслом* выбрано мною в качестве методологии построения самоорганизационной модели социального изменения. При этом была сделана попытка *реконструировать картину социальной самоорганизации*, увидеть процесс появления самоорганизационных структур в социальной среде, новых социальных упорядоченностей. Понять, как они выглядят или могут выглядеть потенциально.

Сразу уточню, что я понимаю под социальным порядком. Речь не идет о порядке моральном, а вернее — далеко не только о нем. *Социальный порядок* — это наличие согласованности, кооперативности, когерентности в поведении элементов системы. В таком смысле даже криминальный порядок оказывается социальным порядком, если такая согласованность имеется. Соответственно, хаотичность — это когда элементы системы автономизированы, изолированы в своем поведении и действиях.

Что в данном случае понимается *под элементом системы* — *социальной системы*? Первое, естественное для нашей социологической традиции желание — на микрополусе модели социальных изменений поставить личность. Однако от этого пришлось отказаться. Личность, как концентрация волевых, сознательных, интенциональных характеристик человека, участвует в самоорганизационных процессах только в *составе целостного человека в его социо-антропо-культурной представленности*. Именно это и было выбрано в качестве характеристик элемента социальной системы.

Следующий вопрос, который требовал решения для построения модели социальной самоорганизации, был продиктован той *уникальностью социальной системы по отношению к иным по своей природе системам, которая связана с человеком как ее элементом*. Хотя самоорганизационные процессы имеют место везде, где есть для того основание в виде нелинейности среды и условия в виде критических ее состояний [7, с. 7], в случае социальных систем уже сложилось две традиции в решении вопроса о мере их самоорганизационности. Согласно одной традиции, все социальные процессы могут исчерпывающим образом описываться самоорганизационными моделями. В другой же считается, что *надо выделять организационные и самоорганизационные составляющие в этих моделях*, относя к первым то, что уже хорошо описано в теориях организаций самого различного рода, а ко вторым — собственно то, что остается за пределами организационных описаний, более того, в силу разных причин, рассматривается как нечто несущественное, второстепенное, архаичное, неформальное и т.д. Уже сами эти обозначения несут в себе оценочный момент, за которым уверенность в их незначимости, устранимости. С моей точки зрения, все это — проявления самоорганизационных механизмов социального изменения. Они несут в себе силу и неустрашимость естественных процессов, и именно так к ним нужно относиться, если мы хотим увеличивать меру нашей субъектности в их регуляции.

Если говорить о *тех психологических основаниях, которые обслуживают эти два механизма социальных изменений*, то в распоряжении социальной организации и, соответственно, механизма *возникновения организационных социальных структур* — наша рациональность, сознательность, способность к целеполаганию, интенциональность, способность к последовательному мышлению и действиям, алгоритмичность. В распоряжении *другого механизма социальных изменений, самоорганизационного* (и соответственно возникновения *самоорганизационных социальных структур*) — наша иррациональность, наличие бессознательного, способность к параллельным мыслительным операциям (часто обозначаемая как мифопоэтическое мышление), наши чувства, влечения, способность к вере, игре. Структуры первого типа возникают как результат сознательного проекта, как целевые структуры. Структуры второго типа возникают спонтанно, процесс образования их не имеет социального субъекта.

При этом приходится разводить *двойственность смысла, заключенного в слове “организация”*. С одной стороны, его употребляют в смысле организованности как наличия порядка; этот смысл может быть валидным применительно к характеристике структур обоих типов. С другой стороны, его используют как обозначение уже самой упорядоченной структуры. И здесь оно будет относиться только к структурам, имеющим определенный, организационный генезис.

Оставляя в стороне процессы и структуры организационного типа, сосредоточимся на тех порядках и структурах, которые являются результатом социальной самоорганизации. Именно они будут в центре нашего рассмотрения, хотя при этом нельзя забывать о наличии в реальной ситуации обоих этих механизмов. Правда, мера их участия в интегральном социальном порядке различна. *Пафос этой работы состоит в утверждении, что при всей нашей сосредоточенности на организациях и организационных механизмах, они могут быть устойчивыми только в том случае, если в их основе лежит са-*

моорганизационное основание. В противном случае можно прогнозировать их разрушение за счет “размывания” процессами самоорганизационными.

Как же действуют самоорганизационные механизмы социального изменения? Обратимся к приведенным выше понятиям, наполняя их необходимым социальным смыслом.

Первое уже социально ориентированное понятие — социальная энтропия. Это наиболее неоднозначное понятие в синергетических построениях. Не все авторы к нему прибегают и не все одобряют его использование. Как уже сказано выше, оно связано с понятием *управляющий параметр*, и многие предпочитают обходиться именно этим понятийным инструментарием. С моей точки зрения, в случае социальных интерпретаций обращение к понятию энтропии оказывается необходимым, в первую очередь, потому, что именно оно позволяет сопоставить события, происходящие на макроуровне (и связанные с управляющим параметром) и на микроуровне, уровне отдельного элемента и его связей с другими элементами. Хотя чаще всего те, кто все же прибегает к этому понятию, не делают акцента на микросоциальном измерении.

Поскольку понятие энтропии указывает на меру хаотизированности системы, то первый соблазн, который возникает при попытке придать ему социальный смысл, состоит в том, чтобы занять объективную позицию, позицию “над” и оценить меру хаотизированности именно с точки зрения объективного наблюдателя. Таким путем идут многие авторы, привлекающие понятие социальной энтропии к осмыслению социальных процессов (К.Бейли, М.Форсе, А.Вильсон). Именно этого, полагаю, следует избежать, *преследуя цель уравновесить объективное и субъективное измерения социальной реальности*, позицию классической и неклассической социологии в интегративной динамической модели.

Интегральная энтропия системы как мера ее непредсказуемости, хаотизированности является результирующей, объединяющей в себе непредсказуемость всех ее элементов. С моей точки зрения, эта непредсказуемость должна фиксироваться снова-таки как в объективном, так и в субъективном измерении. В этом уникальность и отличие социальной системы от любых других. Если предсказуемость или непредсказуемость поведения молекулы можно фиксировать однозначно, то в случае человека нужно говорить об уровне фиксации. Это может быть уровень:

- поведения, реальных действий;
- понятийно-словесных представлений о себе и мире вокруг себя, которые предшествуют действиям и репрезентируют уровень осознанного выбора;
- образно-чувственных представлений, формирующих мотивацию к действию, не всегда четко осознаваемую;
- уровень переживаний, находящийся на границе осознанного и неосознаваемого и дифференцированной фиксации поддающийся мало.

Как видно, с каждым уровнем понижается мера сознательного контроля над фиксируемой мерой непредсказуемости как со стороны самого субъекта, так и со стороны объективного наблюдателя, который бы захотел эту непредсказуемость зафиксировать. И тем не менее, все это целостное отражение ситуации, в которой пребывает человек, в его внутреннем мире. И любой из этих уровней может дать толчок к определенному социальному дей-

ствию, а значит и к социальным изменениям. И чем глубже мы будем опускаться по этой лестнице, тем больше эти изменения будут относиться к самоорганизационным, спонтанным механизмам. *Уровень переживаний* для нас будет наиболее значимым, поскольку с ним связаны сознательно не управляемые импульсы к действию, которые, на мой взгляд, и лежат в основе социальной самоорганизации. Подчеркну, импульсы, а не весь последующий рисунок поведения.

Обратимся к трактовкам энтропии, позволяющим посмотреть на социальный смысл этого понятия под различными углами зрения.

Рост энтропии указывает на *рост непредсказуемости поведения системы*, что на уровне элементов означает *рост непредсказуемости поведения элемента* и его последующего положения среди других элементов. В социальном плане — это усиление (мотивированной извне или изнутри) свободы перемещения членов общества по своим относительным социальным позициям и уменьшение связанности человека и его места в социуме, а также человека и его социального окружения. Для нас наиболее значимо — уменьшение, фиксируемое на уровне переживания.

Речь идет о возрастании недолговечности связей между элементами, о разрыве отношений между людьми, недолговечности вновь создаваемых связей. И снова-таки — не формально поддерживаемых отношений, а на уровне переживаний. Чувство одиночества — признак *индивидуального вклада в общесистемный энтропийный рост*.

С другой стороны, эта малая связанность между элементами означает *рост автономизации, самостоятельности отдельных членов системы*. Но в то же время и чувство покинутости.

Индивидуальный вклад каждого человека в общесистемные энтропийные показатели исключительно *биографичен*. Названные признаки — автономизация, одиночество, самостоятельность, покинутость, чувство собственной уникальности и чувство невостребованности и неприкаянности, чувство ответственности и чувство незащищенности — все это биографические признаки нашего значительного вклада в общесоциальные энтропийные показатели.

Почему они так неоднозначны? Здесь снова нужно вернуться к энтропийному коридору. Как правило, биография того, кто вносит наибольший вклад в социоэнтропийные показатели, оказывается *биографией маргинальной личности*. И это может быть маргинальность и гения, и бомжа. Как следует из представлений о существовании допустимой меры энтропийного коридора, общество должно иметь не менее 18–20% маргинальности (именно маргинальности, а не маргиналиев, потому что она размыта по всему социальному пространству, и определенную долю маргинальности несут в себе очень многие члены общества). В эту маргинальность войдут и уникальные личности, и социальное дно. Но обществу нельзя допустить слишком большого уровня маргинальности, и поэтому всем, кто пребывает (полностью или частично) в маргиналиях, приходится переживать неуютность судьбы носителя повышенного энтропийного заряда.

Еще раз напомним — *уровень переживания для нас является наиболее значимым*, поскольку толчок к спонтанным изменениям самоорганизационного порядка исходит чаще всего от этого уровня. В таком понимании социальная энтропия может выглядеть как та интегральная характеристика, кото-

рая позволяет строить *полифакторную модель социального изменения*. В переживании как субъективной фиксации наложения всех факторов интегрируется и экономическая, и политическая, и культурная, и экологическая, и климатическая, и религиозная ситуация. Причем уровень переживания позволяет говорить, что наш индивидуальный вклад в общую системную энтропию связан прежде всего с нашей биографией, нашим прошлым. Два человека, находящихся сегодня в абсолютно равных условиях, на уровне переживания внесут разный вклад в суммарный энтропийный показатель в силу того, что путь их к данному моменту был различным. Более того, сегодняшний уровень общей энтропии связан с нашим представлением о будущем, которое у нас присутствует, разочарованиями и надеждами. *Надежда* уменьшает индивидуальный энтропийный вклад, *унижение* и *беспросветность* — как ожидаемая перспектива — усиливают чувство своей неуместности в данном обществе и увеличивают индивидуальный энтропийный взнос. И если на уровень сознания можно действовать убеждением, то переживания имеют свою логику, с сознанием мало сопряженную. Там куда больше антропологическая составляющая, включающая телесную память, вытесненные психические содержания.

Существующие однофакторные модели, следует признать, придают решающее значение в энтропийном нарастании только одному фактору. Разные исторические условия, разные культурные ареалы действительно могут создавать перекося в ту или другую сторону. Так, в марксистской модели решающее значение придается экономическому фактору, когда свою невосребованность, маргинальность в социальной структуре человек начинает чувствовать в силу прежде всего низкого экономического статуса. Культурный детерминизм вырастает из акцента на культурной составляющей в наших интегральных переживаниях мира.

Следующее понятие — точка социальной бифуркации. Предельное значение социальной энтропии. Грубо говоря — критическая масса тех, кто переживает свою неуместность в этом обществе, неспособность выстраивать жизненную траекторию из-за непредсказуемости, неопределенности социальной ситуации, причем фиксируемых не столько сознательно, сколько на уровне переживания. Момент вхождения социальной истории в эту точку означает невозможность сохранения старого порядка и с необходимостью выход на новую упорядоченность, новое системное качество.

Но *необходимость здесь принимает не привычный для нас смысл однозначной неотвратимости, предсказуемости и классической закономерности, а смысл неизбежной вариативности*. Причем нельзя говорить о разной вероятности реализации возможных сценариев выхода на новые порядки. Все предзаданные средой новые порядки есть, в принципе, равновероятными. Выбор в пользу одного из них решает случайность, малая флуктуация, которая по закону положительной обратной связи выталкивает систему на одну из возможных траекторий, что делает ее более вероятной в первый момент послебифуркационных событий, когда конкурирующие аттракторы одновременно присутствуют в пространстве потенциальных новых порядков. Это свойство нелинейных систем требует *нового понимания соотношения закономерного и случайного*, о чем пишет украинский философ И.Добронравова [8, с. 190].

Варианты возможных сценариев развития событий задаются потенциально содержащимися в системе аттрактивными, притягивающими состояниями. В результате этого возникает самоорганизационное структурирование социальной среды, новый социальный порядок, который описывается понятием *аттрактивных социальных структур*.

Аттрактивные структуры. Какой вид они принимают в социальной среде? Это наиболее содержательно насыщенная часть предлагаемой модели в смысле ее интерпретационного потенциала.

Любая среда способна к порождению самоорганизационных структур определенного, присущего только этой среде вида. Это могут быть волны в воде, кристаллы в минералах, языки пламени в огне, барханы в песчаной пустыне, шестигранные ячейки Бенара в кипящей жидкости и т. д. Конкретная ситуация возникновения этих структур придает им уникальную форму, связанную собственно с этой ситуацией. Волны могут быть разной величины, разной направленности движения, гладкими или покрытыми более мелкой рябью. Для воды это еще турбулентные потоки или воронки — стоки. Но суть в том, что в воде под действием сил, организующих нелинейные процессы в жидкости, возникает ограниченное число форм, в которые может вылиться самоорганизационная упорядоченность.

Каковы же эти наиболее общие формы, которые могут представлять самоорганизацию на социальной арене? В поисках ответа на этот вопрос я исходила из того, что должна отнюдь не открыть что-то новое и неизвестное до сих пор; моей задачей будет обнаружить эти структуры среди известных и обозначить их как самоорганизационные, придав тем самым им новый смысл: как самому явлению, так и ситуации его возникновения.

Взяв набор характеристик, которым в общем виде удовлетворяют самоорганизационные структуры, я задалась целью отыскать в социальной среде такие, которые этим характеристикам удовлетворяют. *Вот набор этих характеристик:*

- имманентность среде, существование в среде в виде потенции, предзаданности;
- способность к спонтанному возникновению под действием определенных условий, не предполагающих предварительное проектирование, хотя не исключающих инициирование;
- представленность в виде целостного образования, характеризующегося ритмической согласованностью его составляющих;
- притягательность для элементов среды и, тем самым, способность к самодостраиванию в случае возникновения;
- невозможность быть созданными искусственным образом;
- невозможность быть разрушенным, способность к восстановлению и самовоспроизводству;
- способность быть структурой более высокого локального порядка по отношению к окружающей среде.

Названным требованиям в социальной среде удовлетворяют *структуры трех типов. Это действующая толпа, структуры игрового типа (объединенные общей игрой) и структуры мифологического типа (социальные формы, возникающие на основе общего мифологического пространства)*. Развернутую аргументацию, демонстрирующую наличие указанных свойств у

структур названного типа можно найти во многих моих работах [8]. Эту аргументацию я привожу, опираясь на наблюдения авторов, занимавшихся проблемами толпы, игры, мифа — Г.Лебона, Г.Тарда, С.Московичи, Й.Хейзинги, Х.Г.Гадамера, К.Г.Юнга, М.Элиаде и др.

Здесь я хочу особо остановиться на *понятиях толпы, мифа, игры* и решительно развести мое понимание с тем, которое сейчас очень распространено благодаря активному использованию этих слов в публицистике и которое носит оценочный, причем негативно-оценочный характер.

Под толпой как самоорганизационной социальной структурой я понимаю только множество людей, в какой-то момент переставших быть просто совокупностью индивидов и слившихся в единый поток, отказавшись от практически всех степеней свободы за исключением той, которая совпадает с движением всей толпы. *Миф и игра* в публицистическом понимании чаще всего означают ложь, имитацию, нечто, противостоящее реальности. *Для меня же это не противоположность реальности, а способ ее упорядочить на уровне мифопоэтического сознания, которое пользуется другими мыслительными приемами, основано на параллельном, а не последовательном мыслительном формате.* Это структурирование мира и представление о мире, которым пользуется наша психика на уровне бессознательного. Оно становится в определенной мере доступно нашему сознанию в ситуации фиксации собственных переживаний и, как известно, значительно расходится с представлениями о мире, которыми оперирует наше сознание. Традиция больше доверять последнему, полагать его наивысшей инстанцией в нашем оперировании с миром является лишь культурно детерминированной. Это приводит к тому, что мы упускаем из поля зрения целый пласт как внутренней, так и социальной жизни. Во внутреннем измерении это мифопоэтические переживания по поводу различных событий, а во внешнем, социальном — наша принадлежность к структурам самоорганизационного порядка.

Необходимо подчеркнуть одну *особенность, различающую наше пребывание в структурах организационного и самоорганизационного генезиса.* Этот момент очень важен для понимания всех интерпретаций, возникающих на основе данной концепции. Принадлежность к этим двум типам структур имеет *разные мотивационные основания.* Если в организационных, целевых структурах мы мотивированы определенной целью, *результатом* пребывания и совместной деятельности, то в самоорганизационных социальных порядках — мифологических, игровых социальных структурах — мы находимся *ради самого процесса.* Мотивированность процессом, *мотивационная замкнутость самоорганизационных социальных структур* — их очень существенная характеристика. Хотя привычка все объяснять целевыми схемами заставляет нас и в этих случаях находить целевое объяснение происходящему. Мы говорим, что вышли играть на площадку не ради самой игры, а ради здоровья, которое она принесет.

Игра, миф обладают способностью создавать на своей основе определенную социальную целостность, множество людей оказываются как бы под воздействием какой-то надличностной силы, координирующей их действия, ритмизирующей, наделяющей способностью к тонкому чувству друг друга, ритмическому согласованию действий. Согласованность без согласования. Эту надличностную силу можно назвать *общим духовным*

началом, что, как отмечали все названные выше исследователи, присутствует в ситуации толпы, мифа, игры.

Таким образом, утверждая, что социальная аттрактивность чаще всего (в случае достаточно устойчивых и достаточно масштабных структур) реализуется в форме игры или мифа, мы можем сказать, что в послебифуркационный момент социальная самоорганизация выходит на социальную поверхность в виде мифологически обеспеченного порядка. Если учесть, что к наступлению бифуркационных состояний организационные порядки (в частности — социальные институты) уже, как правило, нежизнеспособны, то можно утверждать, что самоорганизация в лице олицетворяющего ее мифа (или мифов) является ведущей формой упорядоченности в момент социальных сломов, каковыми являются все социальные революции.

Организация и самоорганизация соотносятся как дискретное и непрерывное. Если в первые моменты после точки бифуркации доминируют самоорганизационные порядки, то последующая стабилизация идет через усиление организационного начала, его наращивание на тело актуализированного бифуркацией мифа. И в то же время через перетягивание интегральной упорядоченности в организационную сторону. Дальше уже организация задает основные узловые точки в ткани социального порядка. И пространство между этими дискретами затягивается самоорганизацией. Баланс между этими двумя механизмами — залог того, что система будет колебаться вокруг условного центра устойчивости, не покидая энтропийного коридора. Разрыв — источник нарастания энтропийных показателей.

Загадки революции и эвристичность понятия социальной бифуркации

И снова в качестве отправного пункта рассуждений обращусь к работе Штомпки, который перечисляет те проблемные моменты в теориях революций, с которыми, по его мнению, эти теории не справляются. Рассмотрению этих проблем у него посвящен специальный параграф под названием “Чего мы не знаем о революциях?”. Штомпка обозначает эти неясные моменты как “загадки революций”. Таких основных загадок он насчитывает пять: 1) факторы, силы или детерминанты революции; 2) причины внезапности, взрывоподобности массового поведения в период революции; 3) вопрос о закономерности или случайности революций в общей картине социальных изменений; 4) несовпадение результатов революций с мечтами их инициаторов, теми мифами, на основе которых происходили революционные события; 5) непредсказуемость революций [1, с. 386].

В чем же причина такой недостаточной теоретической вооруженности социологии перед лицом социальных кризисов, в том числе и революционного характера? На наш взгляд, это связано с тем линейным в своей основе мыслительным конструктом, который латентно присутствует в недрах большинства этих теорий. Сама попытка предсказания, как правило, основывается на моделях, имеющих линейноэкстраполяционный характер. Наблюдаемые в данный момент тенденции линейным образом переносятся в футурологические построения, и это приводит к ошибке в ожиданиях. Линейные процессы всегда демонстрируют постепенность в изменениях, а структурные трансформации в линейных системах должны назревать куму-

лятивно, пропорционально некоторому детерминирующему их фактору. Термины “эволюция”, “развитие” вполне вбирают в себя все отклонения от линейного течения событий, которые при этом наблюдаются. Загадки революций, названные выше, говорят о том, что наблюдаемые в этих случаях события в такие модели не укладываются.

Попробуем высказать ряд эвристических соображений относительно возможных подступов к разгадкам, основанных на использовании предложенной выше модели и задействованных в ней понятий, в частности понятия социальной бифуркации.

1. Ответ на вопрос о детерминантах и факторах революции нужно искать в более подробной разработке понятия социальной энтропии. В каждом конкретном случае выход на предельные энтропийные значения, а затем — и на точку социальной бифуркации детерминируется различными факторами. Чаще всего — рядом факторов. Энтропия — интегральное понятие, суммирующее воздействие этих факторов.
2. Внезапность и взрывоподобность революционных процессов является прямым результатом нелинейности социальных систем, в которых работают как адаптивные, так и бифуркационные механизмы социальных изменений. Переход точки бифуркации всегда сопровождается резким, скачкообразным изменением социального порядка. Это — закон поведения системы в такие моменты.
3. Закономерны или случайны революции в общей картине социальных изменений? В поиске ответа на этот вопрос плодотворной должна быть идея энтропийного коридора. Поведение социальной системы находится под многофакторным воздействием (включая и сознательное управление). Если энтропийные показатели удастся сохранить в пределах энтропийного коридора, то бифуркационных событий удастся избежать. Общество может эволюционировать без революционных (бифуркационных) потрясений. В противном случае резких изменений социального порядка избежать нельзя.
4. Несовпадение результатов революции с замыслами ее инициаторов является следствием того, что послебифуркационные сценарии развития событий предопределены самой сутью системы (общества), в котором эта бифуркация происходит. Они не произвольны и редко совпадают с целями, декларируемыми лидерами революции. По этой причине такие цели оказываются недостижимыми в принципе. Единственная цель, которая реальна и которая действительно объединяет всех участников революционных событий, — это разрушение старого порядка. Формат нового порядка, как правило, непредсказуем. Более того, даже если цели инициаторов революции и окажутся близкими к потенциальному сценарию, их нереализованность может стать результатом актуализации другого из спектра возможных сценариев. Ведь бифуркация всегда чревата несколькими вариантами развития событий.
5. Непредсказуемость революционных моментов Штомпка подчеркивает особо. Говоря о неожиданном падении коммунистических режимов, социолог отмечает, что “в современной истории не было большей неожиданности, чем скорость и всеобщность, с которой пали

коммунистические режимы в Восточной Европе и самом коммунистическом отечестве”. С его точки зрения, одной из причин такой непредсказуемости было отсутствие моделей социальных изменений, способных описывать подобные переломы [1, с. 388]. С этим можно согласиться только частично. Непредсказуемость революций включает два момента — предсказание момента их наступления и предсказание результата. Возможность предсказания момента теоретически может быть связана с возможностью измерения уровня социальной энтропии. Выход на границы энтропийного коридора свидетельствует об опасной черте, за которой наступление революционных событий можно предвидеть с высокой степенью уверенности. О невозможности предсказания результата говорилось в предыдущем пункте. Эта непредсказуемость является принципиальной, поскольку даже отыскание способа обнаружения предзаданных в социокультурной среде сценариев постбифуркационных событий не снимает непредсказуемости будущего в силу того, что на выбор конкретного сценария влияет случайная флуктуация.

Безусловно, это очень общие эвристические соображения. Они лишь демонстрируют то направление, в котором можно двигаться от эвристической теории к объяснительной. И здесь, как мне кажется, использование понятия социальной бифуркации может быть очень плодотворным.

Литература

1. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996.
2. *Сорокин П.А.* Социология революций // Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 221–266.
3. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1999.
4. *Штомпка П.* Социологическое воображение. — <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-01shtom.html>.
5. См., напр.: *Пригожин И.* От существующего к возникающему. — М., 1985; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М., 1986.
6. *Седов Е.А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 92–101.
7. *Добронравова И.С.* Причинность и целостность в синергетических образах мира // Практична філософія. — 2003. — № 1. — С. 6–10.
8. *Добронравова И.С.* Нелинейное мышление в постклассической науке // Totallogy. Постнекласичні дослідження. — К., 1995. — С. 184–198.
9. См., напр.: *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. — К., 2002. — С. 203–208; *Бевзенко Л.* Самоорганізаційна природа феномену гри // Філософська думка. — 1999. — № 3. — С. 3–19.